

Тов. и показ. Москва, -1990, - N36(сент.) - с. 6

ЕВГЕНИЙ СВЕТЛАНОВ - ДИРИЖЕР, КОМПОЗИТОР, ПИАНИСТ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 3 СЕНТЯБРЯ,
1 ПРОГРАММА, 11.15;
РО-4—9.15; РО-3—7.15;
РО-2—5.15; РО-1—5.15

Есть редкая порода художников, чей облик сопротивляется объяснению. Казалось бы, все очевидно. Вот он, дирижер... Но какой главной чертой объяснить его дирижирование? Русскость? Да, Светланов, как никто из современников, пристален к русской классике. В этом он достойный последователь Николая Семеновича Голованова, кто оказал на его судьбу и творческий характер огромное воздействие. Что еще? Мы будем искать другие приметы его дирижерской натуры, увидим и поймем многое, отметим несомненные удаchi и... снова разведем руками: что же по сути Светланов, что в нем главное?..

А дело в том, что Светланов — соединение талантов, о которых неверно говорить отдельно. Универсализм его не «благоприобретенное», а природное. Таким феноменально одаренным людям совсем нелегко. Они не знают покоя. Отдых для них лишь смена занятий. После дирижирования или параллельно с ним — композиция. Его композиторский дар имеет русские классические корни, но звучит его собственная музыка всегда современно.

Или его пианизм. Отчего садятся к роялю на публике дирижеры и композиторы (скажем, отчего увлекался ансамблевой игрой в дуэте с А. В. Неждановой тот же Го-

лованов-пианист)? Уж точно не азарт универсальности ради универсальности. Просто высказаться случается повод — объяснить свое, из себя, из самой глубины сокровенного, потаенного, давнего...

Вот, кстати, вспомнилось сейчас о том, как неожиданно трудно писалось об Андроникове или Шкловском... Об энциклопедистах, которые так умели сами все и вся на свете объяснить, изобразить. Ты только о чем-то в их натуре подумал, что-то открыл... А они уже об этом когда-то публично говорили. И никаких тайн. И все-таки тайны.

Таков, наверное, и Светланов. Из той же породы фундаментальной культуры, из племени гуманизаторов, так и хочется сказать, из когорты античных людей, отличающихся глубиной, гармоничностью, красотой.

У него и дирижерский талант прежде всего глубок. Когда соединены в художнике яркость, ясность, и мощь, и традиция, и новизна, читай — открытие. Он, к примеру, играет знакомое, а слышится и переживается встреча с новым, со всеми неожиданными подробностями новизны.

У него глубока и композиция, в которой повелевает то же: красота и искренность. Эти понятия для Светланова самые заповедные.

Еще у Светланова глубокий

дар собеседника и оратора. О других он говорит (и, кстати, пишет) так верно, так живо, что иной раз думаешь: а сказали бы они сами — артисты и музыканты — лучше и точнее о себе? Слово публичное Светланова всегда остро. И это не красное слово публициста, вещающего на темы культуры. Это позиция художника, которой он не изменял никогда, какое бы переменившее время ни было на нашем общественном дворе. Он владеет даром волноваться и волновать. Не потому ли в его воззрениях бездна рискованного, но тем не менее убедительного. Слушаешь его минуту-другую... И ты уже его сторонник.

И опять, говоря об этом человеке и художнике, испытываешь неловкое чувство какой-то сущностной необъяснимости. И опять приходится сдаваться, выбираться от словесных тенет и сдаваться власти музыки, с которой Светланов неразделен или, так сказать, синонимичен. Вот уж где его истинная стихия заразительности и убеждения! Вот когда все в нем понятно и просто... Когда он на дирижерском подиуме, будто в точке всех эмоций... Когда он, кажется, работает горстью всех своих чувств.

В. ГУСАРОВ

Фото А. Степанова